

Федоров Р.Ю.¹, Богордаева А.А.² ©

¹К. филос. н.; ²к.и.н.; ^{1,2}старший научный сотрудник,
Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ТАБОРИНСКОГО БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА*

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 13-21-01004а(м).

Аннотация

Статья посвящена историко-этнографическим исследованиям мест компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев на территории Таборинского района Свердловской области. На основе обобщения результатов экспедиционных этнографических исследований изучен характер сохранения и трансформаций этнических традиций переселенцев.

Ключевые слова: белорусы в Сибири; крестьянские переселения; национальный район; этнокультурная идентичность.

Keywords: Belarusians in Siberia, peasant migrations, national area, ethnic and cultural identity.

Введение

Вторая половина 1920-х и первая половина 1930-х годов были отмечены периодом «белорусизации» – активного национального строительства на территории недавно созданной БССР. Однако данный процесс получил развитие не только на материнском пространстве белорусского этноса, но и в местах компактного проживания белорусов на территории других республик Советского Союза. В этом плане большого интереса заслуживает эксперимент по приданию статуса белорусского национального района Таборинскому району Уральской области (ныне Таборинский район Свердловской области). Причиной наделения таким статусом района в 1932 году Свердловским обкомом партии послужил тот факт, что по примерным подсчетам около 65-70% его населения составляли белорусы [4, 343]. Большинство из проживавших здесь белорусов основали здесь свои деревни во времена столыпинских крестьянских переселений. Следует отметить, что наряду с белорусскими деревнями, в районе существовали поселения основанные чалдонами (русскими старожилами Сибири), переселенцами из ряда западных губерний России, украинцами, поляками, чувашами и представителями ряда других национальностей.

На сегодняшний день, наиболее полным историко-краеведческим исследованием, посвященным истории Таборинского района, включая период его «белорусского статуса», является недавно опубликованная книга Е.Н. Жданович «Таборы: из века в век» [4]. Данное издание уникально тем, что непосредственные воспоминания автора, являвшейся уроженкой района, дополнены ссылками на обширные архивные источники, многие из которых были введены в научный оборот впервые. Опираясь на данное исследование, ограничимся лишь кратким пересказом основных вех недолгой истории существования Белорусского национального района, созданного на территории Зауралья.

Уже в 1933 году в районе была предпринята попытка «коренизации аппарата» – введения большинства белорусов в сельсоветы, судебные органы, милицию и культпросвет. Была развернута активная работа по введению белорусского языка в делопроизводство и образовательный процесс. Для этих целей в районном центре, селе Таборы была открыта школа по изучению белорусского языка, посещение которой стало обязательным для большинства служащих. Также предпринимались меры по переводу преподавания в общеобразовательных школах на белорусский язык. Для его обеспечения были организованы

восьмимесячные курсы для школьных учителей, проходившие на территории Белоруссии [4, 345]. Однако, во второй половине 1930-х годов, эксперимент по созданию белорусского национального района был постепенно свернут. Причиной этому послужили как внешние, так и внутренние обстоятельства. К первым из них относились произошедшие в тот период изменения в национальной политике СССР, направленные на борьбу с «местным национализмом» и началом массовых политических репрессий [5, 127]. Внутренним фактором неудачи эксперимента стала достаточно пассивная реакция на нововведения подавляющего большинства населения района. Ее причина в первую очередь крылась в том, что к моменту переселений белорусских крестьян в Таборинский район (первое десятилетие XX века) их национальное самосознание еще не было полностью сформировано. Даже сегодня, некоторые старожилы-информаторы белорусского происхождения в беседах отмечают, что их предки приехали «откуда-то из Рассеи», затрудняясь при этом четко ответить на вопрос о своей национальной принадлежности.

Однако, несмотря на непродолжительную историю существования национального района, белорусские этнические традиции продолжают жить среди его населения. Их изучению были посвящены предпринятые нами этнографические экспедиции, проведенные на территории Таборинского района (2002-2003 гг. – Богордаева А.А.; 2013 г. – Федоров Р.Ю.)¹ [2].

Сохранение и трансформации этнических традиций белорусских переселенцев

На территории Таборинского района большинство белорусских деревень было основано во времена аграрной реформы П.А. Столыпина. Изыскательные работы по отведению переселенческих участков велись в 1899-1901 гг. В их результате было образовано 62 основных и 11 запасных переселенческих участков. Полный список их наименований и характеристик опубликован в книге Е.Н. Жданович [4, 143-146]. Большого интереса заслуживает обнаруженная автором приписка к документам, описывающим переселенческие участки: *«При заселении участка необходимо оказывать предпочтение выходцам с северо-западных и северных губерний Европейской России, где местное население привыкло к борьбе, к менее или более суровым условиям климата и почвы»* [4, 146]. Наиболее активно район заселялся выходцами из Белоруссии в период с 1901 по 1908 гг. Белорусское население преобладало в деревнях Чирки, Озёрки, Александровск, Ефимовск, Вознесенск, Павинск, Унже Павинск, Альтовка и др. Потомки белорусских переселенцев также проживают в районном центре – селе Таборы и ряде других смешанных деревень. Проживающая в деревне Озёрки Любовь Павловна Андреева (Завадская) пересказала историю основания ее родной деревни Чирки, услышанную от своей бабушки. Вначале белорусские крестьяне добирались на поезде до переселенческого пункта, расположенного в Тюмени. Откуда они были направлены на предназначавшейся им участок. Прибывшие на него крестьяне раскорчевывали лес, первую зиму прожили в землянках, но уже на следующее лето построили здесь дома.

Следует отметить, что со времен крестьянских переселений начала XX века, система переселенческих населенных пунктов неоднократно переживала свои эволюционные и революционные изменения. По причинам административных реформ или практической необходимости поселения неоднократно укрупнялись или упразднялись, будучи признаны неперспективными. В результате этого значительная часть населения мигрировала в пределах района из одного поселения в другое.

В августе 2013 года нами была проведена этнографическая экспедиция в деревне Озёрки Таборинского района Свердловской области, основанной белорусскими переселенцами в начале XX века. На сегодняшний день в Озёрках сохранились отголоски традиционной белорусской культуры, привнесенные предками переселенцев из мест выхода. Во многом этому способствовала достаточно изолированная жизнь деревни. На сегодняшний день Озёрки не имеют постоянной сухопутной связи с внешним миром ввиду отсутствия автодороги. Летом транспортное сообщение с районным центром осуществляется по реке

Тавде на катере. После того, как река замерзает, перевозки осуществляются по зимнику. В период межсезонья деревня оказывается фактически оторванной от «большой земли» почти на два месяца. В это время почта доставляется в деревню вертолетом один раз в месяц [3].

Помимо старожилов Озёрок, значительную часть их населения составляют люди, переселившиеся из расположенной рядом белорусской деревни Чирки, которая фактически прекратила свое существование более десяти лет назад. Также как и во многих других районах Зауралья и Сибири, потомки белорусских переселенцев здесь называют себя «самоходами» [1, 125].

Сегодня о белорусском происхождении старшего поколения жителей деревни напоминает особый «белорусский говор», имеющий много общего с распространенной в сельских районах Беларуси «трасянской». Несмотря на то, что многие элементы традиционной календарной и семейной обрядности на сегодняшний день утрачены в повседневной жизни населения Озёрок, среди старожилов сохранилось немало воспоминаний об их бытовании. Во многих случаях, осознание различий между особенностями быта и духовной культуры своей общины и других групп переселенцев, способствовали поддержанию этнокультурной самоидентификации самоходов. Так, переехавшая в свое время из Чирков в Озерки Любовь Павловна Андреева (Завадская) вспоминает: *«В десяти километрах от нас в д. Александровск жили чувашки и украинцы. Когда я туда ездила, было ощущение, что я приезжала в другое государство. Там по-другому разговаривали, другая была еда, другие обычаи».*

Остановимся подробнее на некоторых рассказах озёрских старожилов, характеризующих региональные особенности их обрядов и обычаев. Проживавшая в Чирках Анна Леонтьевна Рябцева рассказывала о бытовавшей в ее деревне традиции украшать на Троицу комнаты избы ветвями пихты. Они втыкались в стены и потолок, также ими устилался пол. Ветки оставались в хате до Купалы. В этот день их собирали и сжигали на купальском костре, который разжигался с поле. К речке на Купалу не ходили, потому что она располагалась достаточно далеко от деревни. Другая жительница деревни – Ольга Михайловна Савицкая (1931 г.р.), вспоминала, как в юности звала гостей на праздник словами:

*«Сегодня Купала, завтра Иван,
Приходите парни гулять к нам».*

Среди главных поминальных дней жители Озёрок выделяют Радуницу и Троицу. По рассказам Матрены Арестовны Виноградовой (Завадской) 1927 г.р., на кладбище в Чирках вдоль забора стоял поминальный стол для общих трапез, за которым собирались на эти праздники жители деревни. Как и во многих других белорусских деревнях, здесь существовала традиция обвязывать могильные кресты рушниками. Среди традиционной для всех восточных славян поминальной еды (яйца, блины, кутья), Любовь Павловна Андреева (Завадская) упоминала еще одно обязательное блюдо – полевку. Примечательно, что блюдо с таким названием помимо Беларуси имеет широкое распространение на территории Чехии [7]. У разных народов и в разных регионах существуют свои вариации его приготовления. Наиболее часто его описывают как похлебку из ржаной муки, а точнее из заквашенного ржаного теста — расчины. Расчину ставили накануне, и, когда она достаточно закисала, из нее готовили полевку. В горшке кипятили воду, добавляли соль, лавровый лист, репчатый лук, расчину и взбивали колотковкой. Полевка могла быть заправлена луком, сушеными грибами, мясом или вяленой рыбой [6].

По рассказам Л.П. Андреевой, блюда, которые готовили в Чирках, сильно отличались от кулинарных предпочтений, бытовавших в соседних деревнях, в которых жили переселенцы других национальностей. К примеру, в отличие от украинцев белорусы никогда не готовили окрошку, зато всегда делали холодец. Бабушка Любви Павловны любила говорить про окрошку: *«ай екой ерунды намешають и ядуть».* Излюбленными блюдами жителей Чирков также были глазунья, жаренная на сале и запеченное в печке мясо с капустой. Однако, по рассказам информаторов, которые еще помнили годы коллективизации

и Великой Отечественной войны, для многих жителей деревни *«любимой пищей того времени была трава»* (А.Л. Рябцева). Анна Леонтьевна Рябцева рассказывала о том, что во время войны крестьяне, собиравшие картошку, могли взять себе лишь ее перегнившие прошлогодние остатки, из которых дома пытались делать лепешки или похлебку.

По рассказам А.Л. Рябцевой, в большинстве семей, вплоть до 1960-х годов лён выращивался для собственных нужд (*«без лёна б голые ходили»*). По ее словам, готовую одежду в то время *«было купить не за что, да и не где»*. Данное обстоятельство долгое время невольным образом способствовало сохранению бытования традиционной одежды переселенцев.

Также как и в ряде других мест компактного проживания белорусов, нами были зафиксированы рассказы о том, когда в отсутствии в деревне священника местные жители сами выполняли некоторые наиболее важные церковные таинства и обряды. В семье Завадских всех детей крестила бабушка. В некоторых случаях таких людей называли не крещеными, а «погруженными». По рассказам Л.П. Андреевой совершать церковные таинства, как правило, доверяли наиболее уважаемым в деревне людям старшего поколения. В Александровке долгое время таким человеком была баба Шура, а в Чирках – дед Степан, который крестил и отпевал всех жителей. В настоящее время построенная в Озёрках в 1912 году Михайловская деревянная церковь пришла в полное обветшание, после того как провалился ее купол. Изредка в деревню приезжают священнослужители из районного центра – села Таборы. Несколько лет назад, приехавший в Озёрки священник крестил детей и нескольких взрослых в притоке Тавды, реке Волчимьи.

Рис. 1. Руины церкви во имя благоверного князя Михаила Тверского в д. Озёрки, 2013 г. Фото Р.Ю. Федорова

Среди рассказов старожилков Чирков и Озёрок большого внимания заслуживают темы, связанные с этическими нормами жизни сельской общины. По воспоминаниям Л.П. Андреевой, в каждой деревне в Таборинском районе существовали свои неписанные законы, *«люди знали, что такое совесть, знали, где добро, а где зло»*. Приведем лишь несколько примеров, характеризующих нравственные нормы поведения, бытовавшие среди белорусских переселенцев. Когда на праздники гости собирались в доме за столом,

присутствовавшие за ним женщины не имели права употреблять наравне с мужчинами алкоголь. Сидевшая за столом женщина могла лишь пригубить рюмку водки и поставить ее на стол. Женское пьянство в деревне строго осуждалось. Нередко осуждения заслуживало и распространение сплетен о жителях деревни. Любовь Павловна вспоминала случай, когда однажды ее родственницы, сидя за столом, начали обсуждать кого-то из своих односельчан. Услышав этот разговор, ее бабушка произнес: *«вы сами и есть безбожники, божий человек не имеет права судить»*. Также как и в большинстве других самоходских деревень, у жителей Чирков и Озёрок не было принято запираить на замок двери домов во время отсутствия хозяина.

Из жизни белорусских спецпереселенцев

Помимо белорусов, переселившихся на территорию Таборинского района добровольно в начале XX века, в годы сталинских репрессий здесь проживали насильно водворенные на территорию Зауралья спецпереселенцы из Белоруссии, большинство из которых были раскулаченными крестьянами. Картину их быта хорошо иллюстрирует записанный нами рассказ проживающего в деревне Озёрки Константина Ивановича Граховского, 1929 г.р. который мы ниже приводим практически без изменений.

Дед Константина Ивановича проживал на хуторе, расположенном в бывшем Паричском (ныне Светлогорском) районе Гомельской области. В 1930 году он был раскулачен и выслан в Таборинский район. Причиной раскулачивания было то, что *«дед богатым был. У него было 10 детей. Костюм один на всех и сапоги одни на всех были. На вечерку сегодня один идёт, надевает сапоги, завтра другой и так по очереди. Такими «богатыми» мы были, за это и раскулачили»*. Семью Граховских привезли в Таборинский район в июле 1930 года. Мужчины строили шалаши в Гарях, женщин и детей временно устроили на квартирах в Александровске. Рядом находилась деревня Чебоксары, в которой жили чуваши. В трех километрах от нее начали жить ссыльные. Их поселок также носил название Чебоксары. Позднее спецпереселенцы строили основанный рядом поселок Куренёво (упразднен в 1972 году). К.И. Граховский застал период «белорусизации» Таборинского района, вспоминая, что одно время занятия в чебоксарской школе, в которой он учился, проходили на белорусском языке. Жизнь спецпереселенцев проходила под строгим надзором коменданта НКВД. Они были лишены свободы передвижения. В 1939 году значительная часть трудоспособных людей забрали на производство в Свердловск, Кунгур, Серов и другие промышленные города. Отец Граховского в 1938 году был по непонятной причине арестован и вскоре расстрелян, его мать осталась одна с четырьмя детьми. Жизнь репрессированных была полна лишений. Почти вся одежда шилась из своего льна виду невозможности приобрести покупные вещи. Особенно голодной жизнь была во время войны. Деревня должна была отдавать весь хлеб фронту. Во время войны школьники работали полный день с июня по октябрь. Занятия в школе начинались 1 октября, потому что в сентябре дети целые дни трудились на уборочных работах. Константин Иванович, которому в 1941 году исполнилось лишь 12 лет, пахал землю на быках, но себе имел право брать лишь остатки полусгнившей прошлогодней картошки. Кроме нее часто питались лебедой, медуницей, крапивой и липой. Положение спецпереселенцев затрудняло и отсутствие поблизости речки, в которой можно было бы ловить рыбу. Кроме работ по хозяйству, будучи подростком, К.И. Граховский выполнял еще одну важную обязанность. В первый год войны, ввиду отсутствия электричества и телефонной связи в ряде деревень Таборинского района, он разносил в соседние деревни повестки на фронт. Вначале информацию о призванных на фронт сообщали по телефону из Таборов в Озёрки. Оттуда двенадцатилетний Граховский пешком должен был разносить повестки в соседние Александровск, Чирки и Чебоксары, преодолевая босиком расстояния исчислявшиеся десятками километров.

Спецпереселенцам запрещалось иметь оружие, но со временем К.И. Граховский стал брать напрокат ружье у живущих поблизости чувашей и отправляться в лес охотиться за

дичью. В окрестных лесах всегда было много тетеревов, глухарей и рябчиков. Охота нередко спасала жителей поселка от голода. В середине 1950-х годов жители деревни выплачивали продовольственной налог мясом и маслом. После введения положения, предусматривавшего уплату налога дичью, Константин Иванович стал расплачиваться ей. Тридцать сданных государству тетеревов приравнивалось к пятидесяти килограммам мяса. Данное положение значительно облегчило жизнь многим семьям ввиду отсутствия хороших пастбищ для разведения скотины.

К.И. Граховский отмечал, что тяготы жизни, которые испытывали спецпереселенцы в 1930-40 гг., повлияли на утрату многих форм традиционной культуры, бытовавших в их семьях. В особенности это касалось праздников и обрядов: *«Все праздники отмечались только дома. Их уже не праздновали всей деревней. Работа занимала все время. Даже выходных не было. На Рождество не с чем было ходить колядовать...»*.

В районе проживали не только спецпереселенцы из Белоруссии. Иногда дело доходило до курьёзов: в деревню Чебоксары было сослано две раскулаченных семьи из соседних Озёрок.

Спецпереселенцы сохраняли свой статус до 1947 года, после чего были реабилитированы. Им выдали справки, по которым можно было получить паспорт и вернуться на родину. Большинство семей разъехалось, но некоторым не к кому и не за что было возвращаться. Прошел год, и эти справки утратили силу. Тем, кто не успел получить за это время паспорт, сказали, что они зачислены в колхоз. Так семья Граховских осталась жить в деревне. Только после 1960 года мать, бабушка и сестра Константина Ивановича смогла переехать в Белоруссию. Сам он около четырех лет прожил в Гомельской области, работал на строительстве электростанции, но впоследствии, по семейным обстоятельствам вернулся жить в Таборинский район. Вначале жил в деревне Куренёво, затем, после того как она была признана бесперспективной переехал в деревню Чебоксары. Из Чебоксар пришлось уехать в 1971 году, когда там была закрыта школа. После этого жил в Эхтали откуда переехал к детям в Озёрки.

Говоря об этнической самоидентификации местных жителей, К.И. Граховский отмечал, что приехавшие из Белоруссии в начале века по крестьянской реформе переселенцы называли себя «самоходами», а сосланные сюда в 1930-е годы раскулаченные считали себя белорусами. При этом, на его взгляд, и те, и другие не имели каких-либо заметных культурных различий, имея *«тот же говор и те же обычаи»*.

Заключение

В истории Таборинского района отражаются многие этнокультурные процессы, типичные для большинства других мест компактного проживания белорусов на территории Урала и Сибири. В схематичном виде можно обозначить их следующие основные вехи:

1900 – 1920-е гг.	Обживание переселенческих участков, перенесение на них прототипов хозяйствования и духовной культуры из мест выхода. Частичная адаптация к новым природным условиям и этническому окружению. Формирование «самоходской» идентичности, характеризовавшей новый этнокультурный статус белорусских переселенцев.
Первая половина 1930-х гг.	«Белорусизация», попытка национального строительства на фоне процессов коллективизации и тенденций к общей «советизации» жизни крестьянских общин.
Вторая половина 1930-х гг., – 1940-е гг.	Разрушение многих основополагающих элементов традиционной культуры в результате экстремальных условий жизни в период репрессий и Великой Отечественной войны.
1950-1980-е гг.	Постепенная замена архаических проявлений хозяйствования и духовной культуры их новыми советскими прототипами. Период «латентного» сохранения отдельных элементов традиционной

	культуры белорусских переселенцев, преимущественно представителями старших поколений.
1990-е гг. – начало XXI в.	Попытки возрождения отдельных проявлений традиционной культуры и натурального хозяйства на фоне разрушения экономического и социального уклада жизни аграрных районов, сложившегося в советское время. Возрождение народных православных традиций, рост интереса к реконструкции народных праздников.

Данная периодизация не претендует на универсальность и исчерпывающую детальность, потому что в разных районах компактного проживания белорусских переселенцев отдельные социально-экономические и этнокультурные процессы складывались по-разному. Однако она помогает наглядно выделить основные периоды и переломные моменты, оказывавшие влияние на характер сохранения или трансформаций, как отдельных этнических традиций, так и этнокультурной самоидентификации переселенцев.

В последние десятилетия, многие традиции, которые оказались почти утраченными, или продолжали существовать в советское время в неявном, «латентном» состоянии, вновь оказались востребованы в жизни сельских общин. Разрушение колхозов и совхозов во многом переориентировало бытовой уклад большинства сельских жителей на принципы натурального хозяйства, в первую очередь ориентированного на собственное жизнеобеспечение. В эпоху утраты государственных идеологических ориентиров, важным регулятором жизни российской деревни вновь стали неписанные законы «народной этики» сельской общины. Возрождение православной церкви оказало влияние на реставрацию многих народных православных традиций переселенцев. Начиная с 1990-х годов, на базе сельских клубов все чаще стали появляться фольклорные коллективы, репертуар которых содержит местные аутентичные песни. Популярность получили различные инсценировки и реконструкции народных праздников и обрядов.

Перечисленные выше тенденции свидетельствуют о том, что традиционную культуру переселенческих деревень можно рассматривать не только как основополагающий социокультурный регулятор их жизни, но и в качестве своеобразного социального капитала в масштабах всего района. Факт существования на территории Зауралья Таборинского национального белорусского района может выступать в качестве повода для установления побратимских связей с отдельными районами Республики Беларусь, с целью развития культурных и экономических связей.

¹ Авторы статьи выражают глубокую благодарность заместителю главы Администрации Таборинского района В.А. Владимировой и директору МКУК «Озёрский сельский дом культуры» Г.Н. Савицкой за помощь в организации экспедиции.

Литература

1. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3(51). - с. 124-129.
2. Богордаева А.А., Федоров Р.Ю. Самоходы и вогулы Северного Урала (по материалам полевых исследований в Таборинском районе Свердловской области в 2002-2003 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010, 2(13). - с. 210-218.
3. Гербовика Свердловской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gerb.rossel.ru/ter/ter94>. (дата обращения: 3.09.2013).
4. Жданович Е.Н. Таборы: из века в век. Реж, 2013. - 500 с.
5. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX-XX вв. – Новосибирск: Наука-Центр, 2002. – 241 с.
6. Рецепты старинных русских блюд. [Электронный ресурс]. http://kuking.net/10_815.htm. (дата обращения: 3.09.2013).

7. Чешский суп полевка. [Электронный ресурс]. <http://nyam.ru/recipes/pervye-blyuda/gribnye-supy/cheshskij-sup-polevka>. (дата обращения: 3.09.2013).